

Странные дела

ЛЮБОВЬ.
БЕЗУМИЕ.
СВОБОДА.
И НЕМНОГО
ЧЕРТОВЩИНЫ.

ПСИХИАТРИЧЕСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ

ТЕАТР

ТЫ
ВСЁ РАВНО
СБЕЖИШЬ
♡

ПРАВДА
ГДЕ-ТО
РЯДОМ

Вячеслав Ракитянский

Вячеслав Ракитянский

Странные дела

«Автор»

2026

Ракитянский В.

Странные дела / В. Ракитянский — «Автор», 2026

Молодой столичный актер приезжает в провинциальный театр города N, где Андрею с ходу предлагают ведущую роль. Но радость омрачается тем, что абсолютно все предыдущие ведущие артисты погибали или бесследно исчезали. В городе N вообще творятся довольно странные дела, но Андрей лишен предрассудков, он соглашается на роль и даже влюбляется в свою партнершу по сцене, молодую актрису Леночку. И в этот момент вокруг начинают происходить странные и пугающие вещи. Но Андрей уже сделал свой выбор, да и Лена ответила ему взаимностью. Что ждет Андрея после премьеры, остается только догадываться, хотя знаки которые он получает довольно пугающие. Книга уже написана, идет редакторская правка.

© Ракитянский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Вячеслав Ракитянский

Странные дела

Глава 1

Театр города N

Минут пять я топтал тротуар перед зданием театра, никак не решаясь войти внутрь. Нелепая конструкция напоминала наполовину зарытое в землю яйцо. Сходство дополняла приличных размеров трещина, которая начиналась у самого основания и по диагонали проходила по всему фасаду, как будто перед тем, как закопать яйцо в землю, его долго варили и скорлупа лопнула. Насладившись видом колонн и ступеней центрального входа, я решил обойти заведение и осмотреть его со всех сторон. Ничего примечательного — яйцо оно и есть яйцо... разве что с окнами.

Нужно было уже на что-то решаться, тем более я просто извёлся, прежде чем нашёл этот чёртов театр. И городок вроде небольшой — две улицы встречных, три поперечных... но, несмотря на это, прохожие, у которых я спрашивал адрес, собирали складки на лбу, смотрели куда-то вверх или вбок и, в конце концов, пожимали плечами. Все как один. В итоге театр оказался в самом центре города N — центрее не бывает. «Сволочи, — ещё подумал тогда, — а говорят, что в глубинке люди добрее и отзывчивее, нежели в столицах. За руку доведут и перед входом поставят. Хрен там! Видимо, и сюда добрались метастазы урбанизации».

Я последний раз взглянул на потешную архитектуру, зыркнул по сторонам и направился к центральному входу. В вестибюле мечтательно спала тощая вахтёрша, посапывая острым носом. Когда я входил, то не заметил отсутствия дверного доводчика, и дверь за моей спиной оглушительно хлопнула и задребезжала. Я вжал голову в плечи, ожидая звуков падающего на мраморный пол разбитого стекла. Вахтёрша даже не вздрогнула; медленно приоткрыла впалые глаза, и мечтательность на её лице сменилась непробиваемым высокомерием.

— Дома тоже так хлопаете? Полюбуйтесь, вы же нам дверь сломали. Так и есть! Сломали!

Голос у неё был кухонно-дребезжащим и вместе с тем — властным. Она поднялась со стула и сделала несколько шагов в мою сторону, глядя вовсе не на меня, а на дверь, определённо высматривая следы урона.

В столичном театре, в котором мне довелось служить последние годы, двери не хлопали так громко и были снабжены доводчиками, поэтому я уже и забыл, как следует вести себя в подобной ситуации. Кроме того, меня там знали все служащие, а здесь... Только я на порог — и тут такая оказия. Вспомнив на мгновение о своей столичной жизни я тяжело вздохнул.

Чтобы выиграть время, я повернулся и стал внимательно искать следы повреждений. У меня за спиной удушливо молчали, предпочитая не брать инициативу в свои руки. Я соорудил озабоченное лицо и дёрнул дверную ручку, проверяя прочность конструкции. В тот момент, когда я уже было собрался сказать, что всё, мол, нормально, одно из стёкол предательски вывалилось из разохшейся деревянной рамы и спланировало вниз. Время неимоверно растянулось, и я довольно долго следил за полётом стекляшки, пока она не ударилась о пол и не разлетелась на мелкие части.

— Вот ведь дрянь, — обречённо прошептал я.

— Давайте, поломайте нам всё тут... и так уже театр разваливается.

Я повернулся, собираясь решительно высказаться насчёт доводчика, но не успел и слова сказать. Вахтёрша стояла передо мной, истощённая и довольная, указывая тонким, как игла, перстом на рассыпавшиеся по полу осколки.

— Кто теперь будет это убирать? А стекло вставлять кто будет? Вы вот тут ходите, дверьми хлопаете и не думаете вообще... и даже представить себе не можете, сколько вас тут таких вот ходит.

Она театрально взмахнула рукой, характеризуя этим жестом всех входящих в двери яйце-подобного театра. При этом она некрасиво растопырила свои длиннющие пальцы. Так некрасиво, что меня передёрнуло. Но нужно было уже закругляться с этой мизансценой. Я собрался с духом и начал говорить, стараясь сохранять остатки спокойствия.

— Пускай хозяйственник вставит. С первой получки деньги верну. Собственно говоря, я к вашему главному режиссёру... к Звягину. Меня Андрей зовут. Я Кондратьев. Я ваш новый актёр... из Москвы.

Услышав название столицы, вахтёрша поморщилась.

— Понятно тогда...

Что там ей было понятно, я выяснять не собирался. Просто спросил, как пройти к Звягину. Она застыла в полной драматизма позе Аркадиной из «Чайки» и махнула рукой в сторону лестницы.

— Тама. По левой стороне будет дверь с табличкой. Дверьми там только не хлопайте, товарищ артист из Москвы.

Я пообещал и зашагал по коридору.

Глава 2

Компот, футбол и семя Демиурга

Главреж Анатолий Петрович Звягин встретил меня приветливо и для начала попросил рассказать о моей предыдущей работе, о ролях, о желательных и нежелательных амплуа, о специфике столичной театральной жизни и так далее. Главный режиссёр оказался уже далеко не молодым, но достаточно живым и лучезарным персонажем; в течение всего разговора он не переставал улыбаться, всё время потирал пухлые ладони, чесал за ухом или тормозил волосы на затылке. Несмотря на полноту, он постоянно вскакивал с места и почти вприпрыжку расхаживал по кабинету. Из-за его нескончаемой мельтешни я вынужден был всё время крутиться на стуле и, в конце концов, чуть не свернул себе шею. Внезапно он оборвал меня на полуслове.

— Компоту хотите?

— Что?

Мне показалось, что я ослышался.

— Компоту. Софья Павловна замечательный компот варит. Вишнёвый.

Анатолий Петрович Звягин снова почухал себя за ухом и добродушно уставился на меня. Компоту я не хотел, кто такая эта Софья Павловна, не знал, да и знать не желал. Из всех работников театра я был знаком только с одним персонажем женского пола. И что-то подсказывало мне, что именно она могла оказаться той самой пресловутой Софьей, готовящей замечательный вишнёвый компот. А с её рук я поостерегся бы пить даже водку.

Я вежливо отказался от угощения и ответил, что устал с дороги. Мне бы хотелось узнать, как обстоят дела с обещанным общежитием, забрать из камеры хранения сумку с вещами, устроиться и немного поспать. А после обеда зайти в театр, чтобы ознакомиться с предстоящей работой и заодно уже испить Софьиного компоту, если режиссёр так настаивает. Выслушав мои пожелания, Звягин на мгновение задумался и, блуждая взглядом по углам кабинета, спросил:

— Футбол вчера не смотрели?

Мне опять показалось, что я ослышался. Я даже потормозил пальцем в ухе. Меня начала раздражать его манера говорить о посторонних вещах, в то время как нам нужно было многое обсудить. И ещё мне показалось, что собеседник мой совершенно меня не слушает. Я напомнил ему о своём вчерашнем времяпровождении, пытаюсь сделать это по возможности более тактично.

— Нет, футбол я не смотрел. Я сутки ехал в поезде.

Пожалуй, впервые за всё время разговора Звягин нахмурился и снова почесал за ухом. Посмотрел на меня и сказал:

— А зря.

— Что именно? Зря ехал?

Звягин не ответил, махнул рукой, обошёл стол и плюхнулся в кресло. Снова его лицо расплоснилось в улыбке, и я уже испугался, что он начнёт пересказывать мне ход вчерашнего матча или предложит отведать замечательных рыбных котлет от звукорежиссёра. Но вместо этого он нажал на кнопку селектора и сказал в микрофон:

— Антоша, зайти, пожалуйста.

Затем Звягин откинулся на спинку кресла и, светясь улыбкой, уставился на меня. Я отвернулся в сторону и разглядывал вздувшуюся краску на стене кабинета, желая только одного — скорейшего появления Антоши. Время шло, Антон явно не спешил, и пауза затянулась. Изучив стены, я принялся за потолок, затем за оконную раму и, наконец, встретился взглядом со Звягиным. Он сидел всё в той же позе и с тем же выражением безграничного счастья на физиономии. Если бы он только что не мотался по кабинету, преисполненный непонят-

ной мне радости, можно было подумать, что режиссёра хватил внезапный паралич. На всякий случай я решил проверить, жив ли мой собеседник.

— Странная архитектура у вашего театра, Анатолий Петрович. Он на яйцо похож, — произнёс я.

— Так и есть. Яйцо. Это своего рода символ... так сказать — от конкретного куриного к его квинтэссенции, к мировому пониманию этого предмета. В сущности, оно заключает в себе четыре стихии: воздух, огонь, воду и землю. И достраивает всю эту схему до пятой — до эфира. А из эфира чёрт-те чего может родиться. В Вавилоне из яйца появилась богиня Иштар. У греков — Елена. У древних египтян — Исида. Жрецы египетские ведь не кушали яйца... именно поэтому, да.

— Не знал, — ответил я, благодаря Создателя за то, что разговор пошёл не о футболе, который я терпеть не могу.

— Опять же... извечный вопрос, почти как у Шекспира: что первично — яйцо или курица.

Я пожал плечами, с трудом представляя себе аналогию вопроса о первичности яйца с вопросом Гамлета. Но спорить не стал. Тем временем Звягина понесло. Он рассказал и про Брахму, развившегося под яичной скорлупой, и про семя Демиурга, из которого якобы возникло первое яйцо. Я думаю, Звягин вспомнил бы и о Кощеевой смерти, не появившись в приоткрывшейся двери голова, покрытая рыжей всклокоченной шевелюрой.

— Вызывали?

— Антоша, зайти. Тут товарищ приехал из столицы. Будет у нас работать... надо бы пристроить на проживание.

Антоша, не заходя в кабинет, ещё больше вытянул шею и уставился на меня. Кивнул. Я тоже кивнул в ответ и посмотрел на Анатолия Петровича.

— Я пойду? — спросил я.

Тот утвердительно зажмурился и ещё больше растянул уголки рта, отчего его пухлые губы стали немного тоньше, а от разреза глаз к ушам виски исполосовали мелкие добродушные морщинки. Я постарался побыстрее покинуть кабинет, пока Звягин не вспомнил ещё что-нибудь эпически поучительное про яйца. Или про вчерашний матч.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.